

Картограф Страны Фантазии

Читателям «Знания-силы» со стажем хорошо знакомо имя Георгия Гуревича. Начиная с 50-х годов прошлого века его рассказы часто гостили на страницах журнала.

Пятьдесят лет жизни были безраздельно отданы Георгием Иосифовичем Гуревичем Её Величеству Фантастике. За это время было издано 26 его книг, в том числе 4 крупных романа, множество научно-фантастических повестей и рассказов, а также литературоведческих и научно-популярных статей.

Будучи ярчайшим представителем второй волны отечественной фантастики, Г. Гуревич отдал должное так называемой фантастике ближнего прицела. Начиная с дебютной повести «Человек-ракета» (1947, в соавторстве с Г. Ясным) и вплоть до романа «Рождение шестого океана» (1960), он неизменно придерживался неписанных правил, характерных для этого направления. Однако если его «коллеги» в основном пропагандировали полезное народному хозяйству изобретательство, то Г. Гуревич в своих произведениях преследовал несколько иные цели. О чем был он ни писал: о методах выведения быстрорастущих деревьев, изобретении летающего льда, регулировании тектонической деятельности или открытии беспроводного электричества — в центре его внимания неизменно находился человек. Фантастическая идея была лишь средством.

При таком подходе к литературе было совершенно естественным присоединение Г. Гуревича к плеяде авторов-шестидесятников, творения которых и составляют ныне классику отечественной фантастики. Повести и рассказы «Прохождение Немезиды» (1958), «Пленники астероида» (1960), «Мы — с переднего края» (1962) открыли новый период в творчестве писателя, центральное место в котором, несомненно, принадлежит утопии «Мы — из Солнечной системы» (1965), самому, наверное, недооцененному роману советской НФ. А между тем масштабное повествование о коммунистическом будущем человечества если и уступает в чем-то «Туманности Андромеды» И. Ефремова или «Полдню» А. и Б. Стругацких, то лишь незначительно.

В начале 70-х годов интересы Г. Гуревича все более склоняются в сторону гуманитарных наук. Перспективы развития общества, психология героев, обладающих сверхспособностями, составляют основное содержание сборников тех лет. Эти идеи автор развивает в повестях «Месторождение времени» (1970), «Опрятность ума» (1970) и «Когда выбирается «я» (1972). Наибольшей же концентрации они достигают в романе «В Зените» (1972, дополн. 1985) и примакающем к нему рассказе «Глотайте хирурга», герой которых совершает путешествие к центру галактики.

«Умирать обязательно, стареть обязательно, горевать обязательно и обязательно подчиняться времени». Но что же делать, если осталось еще много нерализованных идей? Г. Гуревич нашел выход. И фантастический, и реальный. Фантастический — в повести «Делается открытие» (1978) и романе «Темпоград» (1980). Их персонажи живут и работают в ускоренном сконцентрированном времени. Реальный — в книге «Древо тем» (1991), написанной в уникальной форме «НФ-конспекта», целиком состоящего из оригинальных проектов, которые писатель не успел реализовать в виде художественных произведений.

Кроме собственно литературной деятельности Г. Гуревич занимался еще и активной пропагандой фантастики. Его книги «Карта Страны Фантазии» (1967) и «Беседы о научной фантастике» (1983) до сих пор считаются эталоном жанрового литературоведения. Нельзя также не отметить научно-философскую работу «Лоция будущих открытий» (1990). «Постоянный глубокий интерес к науке, умение обобщать ее факты и изложить их доступно и увлекательно привели автора к созданию «Лоции». Книга необычная, в ней чувствуются огромные возможности человеческого ума, она будит мысль, интерес к познанию мира».

Публикуемый в этом номере рассказ «Поденки» обнаружен в архивах писателя. При жизни мэтра он не был напечатан, и это — первая публикация рассказа.

Дмитрий Байкалов

Поденки

Вытянутая орбита, четырехмесячное знойное лето, четыре года лютной зимы — не слишком благоприятные условия для жизни. Никто и не ожидал встретить разумную жизнь на первой планете звезды 211179. Но спектроскоп зарегистрировал линии кислорода в атмосфере — видимо, растительность все-таки была там. И после долгих колебаний капитан разрешил отправить на Первую меня — биолога, поскольку я меньше всех был нужен при сооружении полизвездного радиотелескопа, который должен был перевернуть все наши представления о Вселенной.

Приключений не было, предупреждаю любителей волнующих переживаний. Связь работала безупречно, ни один канал не подвел, приборы посадили меня с аптекарской точностью.

И хорошо, что сажали меня автоматы. Сам я не разглядел бы ничего в плотном, густом, мутнобелом, как чай с молоком, тумане. И после посадки я долго всматривался в муть. Напрасно. За иллюминатором плыли какие-то кисейные струйки, а за ними стояла все та же непроглядная молочная стена. Приборы, однако, обнадеживали, показывали достаточный процент кислорода, сносную температуру, несколько выше нуля, а влажность, конечно, стопроцентную. Надев для осторожности скафандр, я решился выйти наружу, но тут же утонул в молочной мгле и наверняка потерял бы свой летающий дом, если бы отцепил фал. Пришлось вернуться «ждать у моря погоды».

И ждал я три дня, назовем их условно «апрельскими». Ждал, не отходя от

тамбура, ждал ничего не видя, кроме мглы-мглы-мглы впереди и снега под ногами. Тающего, ноздреватого, с капельками воды в каждой луночке. Довольно грязный был снег. Нестиранное белье планеты пролежало без смены четыре года. Грязь я собрал, старательно исследовал под микроскопом. Как и можно было предположить в основном это были пыльца, кусочки высохших листьев или минеральная пыль. Ни крошек угля, металла, ни опилок, ни единого волоконца, которыми так обильно снабжает атмосферу разумная жизнь. Так и я передал на базу по радио: «Жизнь на Первой доразумная, вегетативная».

А подробностей сообщить не мог, все было скрыто в тумане. Бродить в нем было опасно, да и бессмысленно. Но из прошлых астрономических наблюдений знали мы, что как правило на этой планете ясное небо, туманы держатся только в период таяния, сойдут через несколько дней. Волею-неволей приходилось набираться терпения. Вот и сидел я на пороге люка, дышал стопроцентной влажностью, попирал ногами неведомую планету и думал о своей родной.

Из практики экспедиций известно, что вторую половину срока в космосе думаешь больше о Земле, а у нас уже прошла половина, и три четверти и пять шестых срока. Осталось месяца четыре, и моя командировка на Первую казалась эпизодом, последним актом. Ну, соберу я здесь гербарий, будет что отвезти на Землю... на Землю — на Землю-Землю!.. все мысли о Земле.

По земной природе соскучился я и больше всего по лесам. Нет на свете ничего лучше лесов нашей средней полосы. Тень, прохлада, аромат (ароматы!), птичий гомон, косые лучи солнца сквозь листву, девичья нежность березок, осин боязливый трепет, горделивые сосны, елки-клуши и выводок грибков под их зелеными крыльями, шаткие кочки, усеянные черникой, таинственные глазки болотца между ними. Каждая полянка — вернисаж. Стой и любуйся, крути головой направо и налево. Куда ни глянь — полотно, живой Шишкин.

Как вы догадываетесь, я — лесовод. Это моя профессия, увлечение и страсть. Земные мои годы проходят в вечной борьбе (силы света и силы тьмы!) с лесогубителями, лесозаготовителями. Четыре раза в год, перед началом каждого квартала, приезжают они ко мне с картами, где крест на крест перечеркнуты гектары — гектары — гектары, предназначенные для рубки. И каждый раз я спрашиваю, когда же они оставят мои леса в покое. Рубят и рубят, прореживают и сводят; о дебрях и непролазных чащах мы читаем только в романах. Своими же глазами видим парки, рощи и рощицы, или скудные ряды лесопосадок. Тайгу — в заповедниках исключительно.

— Когда вы оставите леса в покое? — добиваюсь я.

А мне в ответ:

— Население Земного шара растет на полтора процента ежегодно. Мы — хозяйственники — должны обеспечить полуторапроцентный прирост зерна, мяса и древесины тоже, не только для мебели, поделок всяческих, но и для бумаги, чтобы вам — романтикам — было на чем печатать вдохновенные поэмы о куцах, рощах и непролазных чащах.

Я возражаю всякий раз:

— Полтора процента плюс полтора... по формуле сложных процентов получается удвоение меньше, чем за полвека. Удвоение, потом учетверение. Природа не выдерживает геометрической прогрессии. Надо срочно придумывать замену.

— Вот и придумывайте, романтики, вместо того, чтобы воспевать!

Ездил я, ездил и к синтетикам, ездил и к генетикам... Пришлось, однако, прервать хлопоты потому, что и космос я откладывать не мог никак.

Не мог откладывать по возрасту. В последний раз пустили меня в космос — в самый последний.

Доктор долго морщился и вздыхал, рассматривая мои кардиограммы, рентгенограммы, генограммы, всякую такую грамматику, ласково похлопывал по плечу и по коленке, а я честил медицину за то, что она лечит-

подлечивает, но молодость продлить все равно не умеет. Только развернешься, только опыт наберешь, тут же тебя и провожают на заслуженный, так сказать, отдых.

— Друг мой дорогой, — говорил доктор. — Умный человек не просит невозможного. Старость — закон природы, наше дело ее облегчить, сделать здоровой, работоспособной.

— Даже если старость и закон природы, — возражал я, — старость в шестьдесят вовсе не закон. Попугаи живут и до ста лет, дубы — сотни, а секвойи — четыре тысячи. И не доказано, что они при этом стареют. Растут и растут. С другой стороны и поденки не знают старости. Один денек пляшут, отложат яички и умирают.

— Голубчик, но люди не поденки же. — И доктор заглядывал мне в глаза с неуверенной улыбкой, полагая, что я шучу, сам понимаю, что вздор несу. — Впрочем, голубчик, я не специалист по старению. Пойдите к геронтологам, они вам все объяснят.

Не пошел я к геронтологам, не пошел к иммунологам и зоологам, не пошел к генным инженерам, отложил хождение на два года потому, что в космос меня пустили пока что. Когда не пустят окончательно, буду земными проблемами заниматься.

И еще одно дело отложил я — семейное.

Большую часть жизни провел я в экспедициях, ночуя в палатках, в лучшем случае в каютах кораблей. Морских и космических. Привык к экзотической тесноте: норма — 3 кубических метра на человека; гость стоит на пороге; койка, столик, на стене циферблаты. Поэтому очень ценю я неторопливые беседы в просторной городской комнате, за столом покрытым белой скатертью. Ценю домашние пирожки и салаты в салатницах, никаких тебе консервов и паштетов из тубиков. Люблю, чтобы меня слушали милые женщины в нарядных платьях, а не только беспольные существа в комбинезонах. И желательно, чтобы мне внимательно сочувствующие: жена или дочь-егоза.

— Папка, да как ты выдержал? Да я бы померла от страха.

Преувеличивает. Не померла бы. Никого она не боится. Меня тоже.

И в доме установлена традиция: вечер перед отъездом и вечер после возвращения — торжественные семейные праздники. Семейные — без посторонних. Я делаю доклад о планах, я делаю отчет об итогах. Жена время от времени перебивает, спрашивая, не подложить ли что-нибудь на тарелку (подозреваю, что доклады она пропускает мимо ушей), а дочка ахает:

— Да я бы померла от страха!

Она-то впитывает мой рассказ, слушает с блестящими глазами, а пальцы у нее шевелятся, мнут хлебный мякиш. Скульптор моя быстроглазая. У нас все полки и столики заставлены ее работами: целые серии пляшущих фигурок из дерева, папье-маше, бронзы, фарфора. Все, что она видит, хочется ей тут же вылепить. И все, что я рассказываю, тоже хочется вылепить. Пальцы у нее никогда не отдыхают. Даже когда нет материала, подходящего или неподходящего, формирует что-то из воздуха. Музыканты так наигрывают на солее мелодии, которые звучат у них в голове. Берут аккорды на скатерти. Музыку слышат в воображении.

В общем хорошая девочка, моя единственная. Но вот обеспокоила она меня перед отлетом.

Как раз рассказывал я о будущей экспедиции в окрестности невыразительного солнца 211179, говорил, что на первой планете разумной жизни быть не может; четыре года зима, четыре месяца теплых, не успеет развернуться разум. В эту минуту раздался звонок, и появился гость... черт бы его побрал, не мог выбрать другой вечер.

Не очень молодой, но очень чинный молодой человек, с галстуком, запонками на манжетах и прямым пробором от лба до макушки; терпеть не могу прямых проборов. Пригласили его к столу, не прогонять же, а когда он сел, семейство мое будто подменили. Жена перестала не слушая мне, сочувствовать, начала вместо того подвигать блюда, громко перечисляя ингредиенты салатов. Дочь-егоза, болтливая

вострушка, прекратила мять воздух пальцами, потупила глаза и начала вытирать тарелки. Попробуй заставь ее заниматься хозяйством в другое время. Гость же начал, нисколько не интересуясь моей экспедицией, разглагольствовать о смысле жизни и науки. По его мнению, у каждого человека должна быть конкретная цель в жизни, желательно — крупная цель. У него самого есть таковая: он собирается стать видным ученым. Для этого надо занять заметную должность в ведущем институте, заслужив ее тремя диссертательными диссертациями. Первая уже подготовлена. Материал собран, минимум сдан. Ищется тема для второй, желательно новая, а вместе с тем и не слишком новая, чтобы не вызвать раздражения и удивления.

Впрочем, все свои соображения он не успел изложить. Продуманно подготовившись и к сегодняшнему вечеру, он приобрел два билета на хорошие места в синтетический театр. Девочка моя — художественная натура, вечно опаздывающая повсюду, была одета через две минуты. О моем отъезде она забыла тут же.

— Что за тип? — спросил я, когда мы остались с женой вдвоем. — Неужели наша дочь находит его интересным?

— А чем плох? — возразила жена. — Основательный человек, и намерения у него серьезные.

— Намерения, может, и есть. Любовь есть ли?

Но тут кроткая моя жена, возвысив голос, объявила, что я ничего не понимаю в семейных делах. Любовь любовью, но нашей девочке уже двадцать четыре, давно пора подумать о браке.

Я разозлился:

— Пора думать, но пусть думает со всей ответственностью. Он же набитый дурак, этот основательный. Мне лично не хочется, чтобы у меня росли глупые внуки.

В общем, мы крупно поспорили, но я своего добился. Получил обещание, что с браком повременят до моего возвращения. В конце концов, двадцать четыре — не конец жизни.

Надо дожидаться настоящей любви, даже если придется ждать и год, и два.

А ждут ли и дождутся ли меня — не уверен. Что-то неясны были космические наши короткие разговоры. Ведь это же не земной телефон: вопрос-ответ, вопрос и ответ сразу, не понял — переспросил. Из космоса мы посылаем серии запросов, получаем серию ответов. Если хотят — отвечают, не хотят — отмалчиваются. До следующей серии — месяц. И что-то много отмалчивались мои хорошие в последних радиограммах.

Вот о таких вещах думал я, всматриваясь в молочную иглу. Смотрел, ничего не видел, вздыхал:

— Ладно, недолго осталось терпеть. Соберу гербарий, и на Землю — домой. Там будем разбираться.

Меж тем в тумане шла невидимая работа. Что-то журчало, булькало, переливалось, иногда к моим ногам подтекали ручейки, где-то в сторонке бурлил поток, позванивая льдинками, что-то шлепалось в воду, что-то ухало, оползая. А на третий день подул сырой ветерок, молочная стена стала таять, сделалась дымчатой, голубоватой, полупрозрачной, даже розовой почему-то... и вдруг сквозь розовое проглянуло горячее солнце 211179. Имя ему еще не удосужились придумать астрономы. Впрочем, не напаешься имен на сто миллиардов светил. Как известно, астероиды сначала называли в честь богинь, полубогинь, потом в честь жен и любимых женщин. Всех женских имен не хватило даже на вторую тысячу.

Но пекло безымянное заурядное солнце добросовестно: пар стоял над лужами, во всех ложбинках гомонили ручьи, снежники свежились прямо на глазах, уползали на северные склоны. А на следующее утро, будем считать — 1 мая, появилась и зелень.

Слишком скромное слово «появилась». Ничего похожего я не видел на Земле. Зелень рвалась к свету. Разворачивая почву. Грунт шевелился под ногами. Из каждой точки ползли зеленые червяки. Стебли покачивались и, нащупав соседей, тут же хватались за них, обвивались, подтягивались по

соломинам предшественников, стремясь обогнать, развернуть свой листок выше, перехватить солнечный свет. Мне кажется, некоторые растения даже разведали и высасывали друг друга. Буйствовала и хищничала зелень на этой планете.

Последующие дни вознаградили меня за томительное ожидание в тумане. Биолог-натуралист во мне блаженствовал. На каждом квадратном метре находил я материал для гербария. Я собирал, сушил, описывал, раскладывал по ящикам, классифицируя на ходу. Как и на Земле здесь были безъядерные и ядерные, одноклеточные и многоклеточные водоросли, были лишайники, мхи, споровые, голосемянные и покрытосемянные. Последние раскрывали цветы, как и полагается покрытосемянным. И сколько же было цветов, одноцветных, многоцветных и радужных, пятнистых, крапчатых, полосатых, клетчатых, узорчатых! Бездна материала для того, чтобы составлять букеты и плести венки.

О венках я упомянул не случайно. На десятый день моего пребывания — 5 мая условно — проснувшись поутру, я услышал щебет голосов, право же, очень похожих на человеческие. Одеваясь, я строил догадки, кто это звенит: цветы такие поющие или птицы, вроде наших пересмешников, но кого же они пересмеивают? Наконец, выбрался наружу и увидел...

Девочек, которые плели венки.

Увидел девочек, очень похожих на наших земных девчонок лет десяти, худеньких, ребрышки наружу, востроносеньких, колючих на вид — острые плечики, острые колени. Осторожно приблизились, но они ко мне отнеслись доверчиво, окружили, заглядывали в глаза и брали за руки. Что-то звенели колокольчиками: примерно «ди-ли-лю-ле». Потом я узнал, что они спрашивали, почему я не замерз и не замерзну ли вскоре. Но тогда, в первый день, я еще не понимал их, и, не получив ответа, девочки тут же забывали обо мне, убегали прочь, чтобы плести свои венки или же выкапывать из земли глянцеви́то-лиловые кореш-

ки. Вероятно, очень вкусные были корешки. Потому что девочки дрались из-за них, визжа и царапаясь. Впрочем, тут же мирились. Водили хороводы. Играли в салки, забавлялись, как и полагается маленьким девочкам.

И только девочки. Мальчика ни одного. И ни единого взрослого.

Целый день сидел я на пороге, наблюдая и прислушиваясь.

Пытался заговаривать с пробегающими мимо, что-то они люлюкали, передразнивая меня звонкими голошишками и бежали дальше по своим делам. Пришлось набраться терпения. «Придут же когда-нибудь мамы и няньки? — думал я. — А может быть, сами резвушка, набегавшись, отправятся на ночь в постельки, а я прослежу и найду их жильё».

Однако солнце клонилось к горизонту, а за детьми так никто и не пришел. И сами они не ушли никуда. Как только тень набежала на луга, они улеглись на свои гирлянды. Тесно прижались друг к другу, так и заснули, укрытые увядающими цветами. А поутру с восходом солнца меня снова разбудил их птичий гомон — чирикание и люлюканье.

И снова я сидел на пороге, наблюдая и прислушиваясь. Прислушиваясь, запоминал фразы и отдельные слова. На третий день (7 мая) уже и сам мог немножко люлюкать. И первым делом спросил, где же у них папы и мамы — «большие» где.

Они поняли, как видно. Все одинаково показывали на горизонт, где синел далекий лес. Я просил их проводить меня. Брал за руку, тянул к лесу; они упирались. Вырывались, даже кусались. Я решил, что им строго настрого запрещено возвращаться в селение и отправился на разведку сам.

В лесу тоже шла беспощадная зеленая война. Кусты и деревья размахивали плетями ветвей и, захлестнув чужой сук, всасывали сок, вырывали листья. Едва я приблизился к опушке, ко мне сразу потянулись десятки клейких щупалец. К счастью, я догадался заблаговременно включить защитное поле, да по чужим планетам и не ходят без защитного поля, это

элементарно же. Уткнувшись в невидимую броню, ветки брызгали бурыми каплями, едким соком видимо. Капли стекали и испарялись. Не без злорадства следил я, как на границе поля дымилась и обугливались хищные ветки.

Еще и камни какие-то летели в меня со всех сторон. Неужели деревья научились швыряться булыжниками? Конечно, мое надежное поле отбивало камни без труда; они отскакивали от него как от стали. Когда же я подошел к опушке ближе, обстрел прекратился, зато целые пучки жадных ветвей преградили путь.

Как же здесь могут жить родители моих щебетуний? Или деревья пожрали всех. Недаром девочки боятся подходить к лесу.

Даже и с защитным полем своим я не решился пробиваться в чашу. Впрочем, оказалось, что это и не требуется. Перед опушкой шла протоптанная дорожка, она привела меня к скалам, расщеченным пещерами. «Ну, конечно, пещерные жители», — подумал я. Заглянул в самую большую...

Страшная картина!

Трупы-трупы-трупы, обледенелые, почерневшие, уже на людей не похожие, какие-то плоские распластанные кожи, сложенные рядами друг на друга. Коллективная могила? Но кто погубил целое племя, всех взрослых до единого? Кто приташил их, кто сложил? И почему уцелели дети, почему только девочки и примерно одного возраста?

Я терзался догадками, искал следы битвы или эпидемии, искал маленьких детей, строил гипотезы и отвергал.

Но не буду тянуть, пересказывая все свои предположения, отпадавшие одно за другим. У меня был простой способ: расспросить девочек. Они знали тайну, могли внятно объяснить. Беда в том, что я языка не понимал еще как следует. Но если другой задачи нет, выучиваешься быстро. Через несколько дней я болтал довольно бойко, и пунктирные намеки сложились во внятную картину.

Четырехмесячное знойное лето, четыре года лютой зимы! Здешняя жизнь приспособилась к такому циклу.

Четыре теплых месяца по земному счету. Называю их май, июнь, июль, август. Я прибыл условно 25 апреля, когда заканчивалось таяние. Первого мая проснулась жизнь и бурно пошла в рост. Дети тоже росли здесь как на дрожжах. К концу мая мои девочки должны были стать взрослыми девушками. В начале июня — брак, два месяца зрелости, к августу у них рождались дети, как правило, близнецы, изредка тройня. До осени дети успевали подрасти, узнать от родителей все необходимое для самостоятельной примитивной жизни. Подчеркиваю: для самостоятельной жизни, поскольку в первых числах сентября родители укладывали их в пещере для зимней спячки, сами же вместо одеял укрывали их своими телами. И замерзали. И промерзали насквозь, ледяной корой отгораживая потомство от многолетнего мороза. Спустя же четыре года в самом конце апреля талая вода будила детей. Проснувшись, они вспоминали, что надо выбраться из пещеры и срочно бежать на солнечные луга на подножный корм, там греться, резвиться, выкапывать и обсасывать корешки, плести венки, бегать взапуски. Мальчики, конечно, не увлекались цветами. Их стайки держались обособленно, ближе к опушке, там они играли в войну и охоту, дрались, метали копыя и камни из пращи. Именно они и забросали меня камнями на опушке кровожадного леса. Предполагалось, что маленькие рыцари охраняют девочек от диких зверей, хотя какие же звери уцелели бы в гуще воинственных деревьев.

В конце мая мальчики начинали думать о девочках, приходили знакомиться, начиналась пора любви... очередной цикл жизни.

Меня больше всего заинтересовала многолетняя спячка. Как это просто получается: легли, заснули, проснулись, когда талая вода разбудила, будто одна ночь прошла. Я заметил, что девочки вообще легко засыпали, как только начиналась вечерняя про-

хлада. Может быть, они были не совсем теплокровными? Во всяком случае, заметно было, что все они тянутся к солнцу, на солнцепеке скачут как телятки, в тени заметно скиают. Для опыта я взял двух девочек в свою ракету на ночь. В теплой освещенной каюте они и не думали обо сне. Всю ночь колобродили: прыгали, плясали, распевали песенки, перетрагали все, до чего могли дотянуться, сломали или разбили все, что трогали, а на утро выбежали на солнце свеженькие, весь день люлюкали, делились впечатлениями. В полдень скакали со всеми вместе, заснули же только вечером, когда солнце зашло.

И тогда я понял, что в моем лице сошло благословение на их скороспелую жизнь. Я научу их переживать зиму. Научу добывать огонь. Строить дома, шить теплую одежду и одеяла, научу побеждать холод. Больше им не понадобится защищать своих детей от мороза собственными телами, жертвовать жизнью во цвете лет; дети благополучно вырастут в теплой комнате. Возможно. Скучновато будет ожидать четыре года, но разве не стоит поскучать ради продолжения жизни? Мы в звездолетах сидим по четыре года взаперти и даже не для спасения жизни, ради знаний. Ничего, нормальными людьми выйдим. На худой конец, можно согласиться и на зимнюю спячку, если она так необходима, но пусть спят в термостатах и просыпаются через четыре года все: и дети и взрослые. Возрадуйтесь же вы, мимолетно живущие! Пришел в ваш мир Избавитель от преждевременной обязательной смерти, пришел Прометей и принес с неба огонь. Я — этот Избавитель, я — ваш Прометей. Запомните день моего сошествия. Когда-нибудь в календаре вы будете обозначать его красным цветом, отмечать праздничными шествиями и масовыми танцами.

Итак, огонь надо им подарить, научить делать ткани, шить одежду, строить дома, желательно с погребями для запасов. Пищу заготавливать, дрова, печи топить. Все на добром уровне натурального хозяйства. Сразу не переведешь же в эпоху электрони-

ки и синтеза. А с чего начинать? Начну-ка я с одежды. Для девушек это самое понятное, самое приятное.

«Девушками» назвал я моих соседей, уже не девочками. Действительно, за две майские недели худенькие мои люлюшки вытянулись, оформились, повзрослели, даже пополнили немножко. Впрочем, колючесть сохранилась в их облик: острые глазки, плечики, грудки и колени, что-то задорное, вызывающее, задевающее. Казалось, каждая из них подталкивает тебя локтем: «Почему же ты меня не заметил?» И вот я решил собрать эту смешливо-насмешливую аудиторию, объяснить ей назначение текстиля, предложить самостоятельные курсы кройки и шитья.

Не сразу удалось собрать. Цель-то они поняли отлично, даже шумно выражали восторг: «Жить много раз! Не замерзать!! Удивительно, прелестно, гениально!» Но всякий раз просили отложить занятия на завтра: «Сегодня солнышко такое горячее, жалко упускать. Дни-то бегут, время уходит». Наконец, на их беду, на мое счастье, подул северный ветер, небо затянуло облаками, соблазнительное солнце скрылось, и мне удалось собрать мою шумную аудиторию, показать им, что такое материя и что такое ножницы и как делаются ткани из прочных волокон. Мне не хотелось ставить их в зависимость от нашего текстиля и я изготавил на показ примитивнейший ткацкий станок с челноком, размером со скалку.

От восторгов у меня заболела голова. Все вызывало восхищенные вопли: и станок, и топорный челнок и разноцветные лоскуты; каждая хотела приложить их к себе. Девушки отлично оценили мое сооружение. Ведь плести венки им приходилось постоянно, а тут одним движением соединялись сотни волокон, сразу связывались одним узлом. Все они толпились у станка, ссорились, галдели, словно стая спугнутых ворон, выхватывали друг у друга челнок или ножницы. И в гаме этом как-то не заметил я, что очередь рассосалась. Была толпа, остался около меня десяток, и от того отрывались

связывались одним узлом. Все они толпились у станка, ссорились, галдели, словно стая спугнутых одиночки, спешили куда-то, хлопнув разок челноком, убежали прочь.

— В чем дело?

— Да ведь бухают, — кинула убегающая.

— Кто бухает?

— Мальчики бухают. Бьют по пустому стволу. Завтра придут. Новые венки нужны, новые гирлянды.

— Пусть придут послезавтра, пусть придут через три дня. Вы будете в новых платьях, небывало нарядные. Мальчики ваши попадают от восторга.

— Три дня? Как можно? Мальчики бухают, завтра придут с утра. Нельзя откладывать; дни бегут, молодость уходит.

Женихи явились на следующий день, неловкие и насупленные, но страховито разрисованные желтой и красной охрой или синей глиной. Огня они не знали и золы для черной краски не было. На груди у них висели бусы из крысиных зубов — свидетельство меткости и доблести. Женихи поскакали вокруг невест, рыча и потрясая копыями, потом невесты скакали, размахивая цветочными гирляндами... И был я забыт со всеми радужными перспективами бессмертия. Пришло более важное дело: пора любви, пора выбора пар, две недели безумных страстей.

На мой взгляд, для безумия не было никаких оснований. Женихов и невест было равное количество, без пары не должен был остаться никто. Да и выбирать, по-моему, было не из чего. Все парни выглядели одинаково: круглоголовые, насупленные, сбывчившиеся, с шеей, ушедшей в плечи; все девочки одинаково остроносые и задорно-колючие, но я их уже описывал. Сам я различал их не без труда, главным образом по цветам в венках. Одна предпочитала мелкие голубенькие, похожие на наши наивные незабудки, другая — крупные белые — в роде цветов магнолии, третья — ярко-оранжевые,

напоминающие настурции, четвертая — сиреневые как... сирень. Так я и называл девочек мысленно: Незабудка, Магнолия, Настурция (Настя), Сирень. Цветы разные, но девушки-то одинаковые. Однако проблема выбора подруги добрые две недели занимали мысли тех и других. Парни на что-то намекали, никак не могли объясниться или же объяснялись чересчур откровенно, подозревали и ревновали, скрипели зубами и приходили в отчаяние, затевали спортивные поединки, ритуальные и вполне серьезные, с членовредительством. Девушки ломались, тянули, соглашались и передумывали, интриговали, клеветали и сплетничали, отбивали женихов друг у друга. И все — счастливые и обиженные Ромашки и Гортензии, Розы и Мимозы, Астры и Хризантемы, Фиалки и Кувшинки прибегали советоваться со мной (нашли с кем советоваться!) или пожаловаться на разлучниц и изменников, или обсудить странное поведение нерешительных, чересчур решительных, колеблющихся, противоречивых...

— А любовь-то? Ты любишь его по-настоящему? — спрашивал я.

— Ах, я так мало знаю его. Ах, он ведет себя так непонятно. Иногда я думаю так, иногда совсем наоборот.

— Ну, так подожди, проверь себя...

— Ждать и ждать! Сколько же ждать! Дни бегут... Я еще хотела спросить...

Но тут Он показывался на горизонте, надо было срочно бежать, чтобы попасться ему на глаза лишней раз. Заметит ли, подойдет ли, как себя поведет, что скажет?

Какие тут разговоры о зиме, зимней спячке, домах, очагах? «Он посмотрел, Он не посмотрел, Она отвернулась, Она вздернула носик». И на все один ответ:

— Дни бегут, молодость уходит!

К середине июня пары распределились, страсти угомонились, пришло время думать о будущих детях. Тогда я опять приступил со своими проектами. Планета приближалась к своему перигею, становилось все жарче, рас-

тельность начала подсыхать, все труднее стало находить сочные корешки, не только деликатесные глянцевито-сиреневые. Там где прежде девочки выкапывали целые охапки, теперь могучие мужья находили три-четыре штуки, и те относили голодным возлюбленным.

Я и предложил самое засушное: устроить всеобщую уборку урожая, корешки высушить и сложить в погреб на зиму... часть же высадить во влажный ил у реки. В пойме еще сохранилась влажность.

Короче, решил я обучить земледелию беспечный народ. И земледелию и запасливости. Ведь без основательных закромов не смогли бы они пережить четырехлетнюю зиму.

Замужние Розы и Мимозы охотно откликнулись на мой призыв («Прекрасно, прелестно, так предусмотрено, гениально!»)

Правда, сами они не взялись за лопаты, но мужей послали, не принимая никаких отговорок. Те оказались способными землекопами, выкопали достаточно вместительный погреб за каких-нибудь два дня. Кстати, их очень удивила мерзлота, встреченная на глубине. Я так и не убедил их, что не я сотворил лед летом с помощью волшебства. Не поверили, что холод остался от зимы. «Зима же так давно была», — твердили они. Итак, за два дня был выкопан вместительный погреб, еще за три дня мы заполнили его вязанками корней. Затем я отправился к реке выискивать места, пригодные для упрощенного земледелия без пахоты, такого как во влажных тропиках: ткнул палкой в ил, сунул в дырку зерно, прорастет...

Подыскал я прекрасные заливные луга. А когда вернулся, заглянул в погреб: как там мои посевные корешки?.. Все разворочено, все разворовано, остатки раскиданы, затоптаны.

— Убей меня! — сказал первый же пойманный вор. — Убей, но я не могу сидеть спокойно, когда жена хочет есть. На лугах уже нет корешков, а женщины не должны голодать, когда они ждут ребенка.

— Но они все равно будут голо-

дать осенью. И потом умрут от голода зимой, не сумеют дожить до следующего лета.

— Еда еще будет. Будут желтые семена. Потом рыба пойдет.

Слушали они меня и не слышали.

— Рыбы хватит всем. Навалом будет рыбы.

Действительно рыбы было навалом. Нерест начался десятого июля по моему условному счету. Такого я на Земле не видал, только в исторических книгах читал, что подобное бывало на Дальнем Востоке. В реке не было видно воды, казалось, вся она запружена хребтами и плавниками. Рыбины перли вплотную, бок о бок во всю ширину реки, а в глубину на три ряда. На перекрестках им не хватало места; нижние выжимали верхних, те прыгали по спинам, захлебываясь воздухом, потом носом пробивали себе дорогу вглубь, выковыривая из потока другую неудачницу. Для ловли не требовалось никакого искусства. Наметив ближайшую самку (у самок чешуя была серо-голубая, у самцов с золотистым отливом), добытчики протыкали ее острой палкой и выбрасывали на берег. Напарники же их одним движением распарывали живот и руками перекаладывали икру в плетеные корзины, обмазанные глиной. Туши швыряли на берег, их тут же растаскивали мелкие зверьки, похожие на крыс. Крысам швыряли эти беспечные великолепнейший балык.

Я возмущался, негодовал, я бранился, я орал. Я требовал немедленно перетаскать всех рыб в погреб. Если всех унести невозможно, шести поставить, на шести вялить их. Меня подняли на смех. Я возмущался, мужи возмутились в свою очередь.

— Женам рожать скоро, им надо жир копить. Мы тут палки начнем втыкать, берег украшать, развлекаться, а у них детишки будут слабенькие. Дни-то бегут, время уходит.

— Дни потеряете, годы получите. Губите же еду, драгоценную рыбу. Ваших же детей кормить. Не хватит...

— Хва-а-тит! Отцы были сыты, и внукам достанется.

— Я вам говорю: не достанется. Губите зря...

— Ну не будет рыбы, еще что-нибудь найдется.

Вот так они жили, так рассуждали. Все заслонял сегодняшний день. Не люди, поденки двуногие.

И ушли мы, оставив позади горы гниющей рыбы. Унесли только корзинки с икрой, жен подкормить перед родами.

Первенцы появились вскоре, примерно 20 июля, прежде всего у самых обольстительный красавиц, раньше вступивших в брак. Все-таки спешка невест имела некоторый смысл. Старшие дети успевали до осени обогнать других в росте, стать сильнее, больше запомнить. Главное: стать сильнее. В зимней спячке дети бессознательно жались в середину, где потеплее, выталкивая слабеньких последышей на край, там они замерзали иногда. У пчел в зимующем рое происходит нечто сходное. Там тоже наружные своими телами прикрывают от холода внутренних.

Впрочем, разница в возрасте была невелика: дней семьдесят. К началу августа все стойбище превратилось в сплошные ясли. Всюду вопили роженницы и мяукали новорожденные. И всюду метались растерянные мужья, и я метался вместе с ними, пытаюсь применить жалкие сведения, почерпнутые из справочника для медицинских сестер, обязательную книгу в комической библиотеке.

В разгар круговерти пришло тревожное известие: неподалеку видели арров.

Я и раньше слышал это слово. Девочки пугали друг друга: «вот арры придут, тебя заберут». Тогда я подумал, что арры — это своего рода буки, нечто мрачное, страшное, неопределенное и несуществующее, но крайне необходимое для воспитателей. Оказалось однако, что страшные арры существуют на самом деле. Этимологически это всего лишь мужчины, мужи. Мужской и женский язык здесь несколько отличаются: женщины люлюкают, а мужчины рырыкают. И вот среди рыкачей где-то на северо-запа-

де объявился некий пророк, возвестивший тысячелетнее царство арров. Пророк этот проповедовал, что он сам и его помощники — «сверхарры» — для будущего ценнее, чем дети, поэтому женщины должны на зиму укрывать не своих детишек, а их — арров. Естественно, в своем отечестве этот пророк не был признан пророком, собственная жена ему выпарапала один глаз (жалко, что не два!). Однако в соседних племенах он нашел последователей. Развращала нестойкие мужские души его соблазнительная пропаганда. Так приятно было признать себя сверхценностью, поверить, что свою жизнь необходимо спасти в первую очередь. Собрав шайку головорезов, одноглазый сумел покорить соседнее племя, уничтожить всех мужчин и детей, заставил женщин спасать от лютого мороза своих поработителей. И людоедская идея арров удалась. Дружина их благополучно перезимовала, укрытая телами пленниц от мороза, проснувшись же, приступила к покорению очередного племени, чтобы обеспечить себе еще одну зимовку.

В общем угроза нависла над всем населением планеты. Убивая детей в завоеванных племенах, арры в конце концов могли обезлюдеть всю планету, в особенности, если у них нашлись бы подражатели.

А так просто было спасти всех: построить теплые дома и печи в них топить.

Пока же срочно надо было готовиться к отпору.

Снова собрал я мужчин и произнес зажигательную речь на рыкающем языке. Я предложил им организовать оборону, обещал новое сверхмощное оружие — всего лишь лук и стрелы. Не очень надеясь на рыкачей, собрал я и женщин, произнес еще одну речь на женском люлюкающем. Кажется, убедил и тех и, других. Мужчины разбили на отряды, начали упражняться со сверхоружием. Дозор был выслан на опушку леса и к реке.

Но на следующий день дозор вернулся. Беглец из соседнего разгромленного племени сообщил, что нас

опасность миновала. Убийцы направились на север, где осень уже наступила и там, истребив детей, залегли на зимнюю спячку.

По правде сказать, я предложил жесточайшую, но по-моему, справедливую и необходимую меру — посоветовал организовать поход на север, вскрыть тамошнюю пещеру спячки, разбудить этих самых аррывев, судить их всенародно и, приговорив к казни, оставить связанными на снегу... так, чтобы раз и навсегда подражать им было неповадно.

— Да это же опасно, — сказали мои храбрецы. — Наверное, арры еще не совсем заснули. Проснутся и сражаться будут.

— Да это же далеко, — сказали другие мужи. — Холодно там. Мы и сами замерзнем по дороге. И наши семьи останутся без отцов, жены и маленькие дети. Нельзя бросать их без помощи на много дней. Дни-то бегут, уходит невозвратное время.

— Но ведь арры проснутся и на следующее лето, придут сюда, ваших же детей перебьют.

— Да не пойдут они сюда. Севернее пошли. Арры — нордическая раса, им прохлада привычнее. И на будущее лето пойдут севернее. наших детей минуют.

— А если не минуют? Если соблазнят их долгое лето? Если присоединятся к ним южные племена?

— Там видно будет. Весна осени мудренее. Мука перемелется, все переменится. Пугаешь будущим летом, а в поход-то зовешь сейчас.

По-ден-ки!

Так на кровавом чужом опыте убедился я, что поденки мои, как и все разумные существа во Вселенной, на самом деле очень хотят жить, хотя жить долго, на преступления идут ради долгой жизни, но не на повседневный труд. Жаркое и щедрое сегодня заслоняет от них будущие беды. Даже и думать не хочется о зиме, неприятное вытеснено из сознания. Зачем расстраиваться заранее, настроение себе портить? Дни-то уходят, время бежит. А вась обойдется.

А холода между тем приближа-

лись. В августе стало заметно прохладнее. Мужчины скисли раньше жен, ползали как сонные мухи, то и дело прикладывались вздремнуть. Глицинии же и Гортензии, донельзя располневшие на чистой икре, уже не колючие, а обтекаемые, почти шарообразные, кудахтали над своими быстрорастиющими цыплятками, обучая их ходить, обучая говорить и вдалбливая правила поведения на будущее лето: какие корешки сосать, какие выбрасывать, как венки вить, как рыкающих парней встречать. Как любить, рожать и кормить, как детей наставлять, от зимы укрывать — полную инструкцию на следующий цикл.

И не к сонным рыкачам, к активным мамам обратился я, взывая к их разуму и чувствам, просил пожалеть не только самих себя, детей малых. Всех по очереди заводил в ракету, демонстрировал, как славно греет мой электрический камин, как тепло в моей искусственной пещере, убеждал, упрашивал, умолял срочно взяться за постройку подобных искусственных пещер. Ну много ли домов требовалось для всех моих Ромашек и Маргариток? Десяток-другой. В тесноте, да не в обиде.

Но бывшие Фиалки и Незабудки, а ныне матроны, некогда так восторженно кричавшие: «Ура, ура, ура! Будем жить много раз», теперь бережительно кривили толстые губы:

— Старый ты человек, больше нас живешь, а ничего в жизни не понимаешь. некогда нам фантастическими домишками развлекаться. Детей учить надо. Время-то не стоит на месте. Дни бегут.

— Но в домах времени будет сколько угодно.

Не верили:

— Будет ли, нет ли? А дети растут сегодня.

— Но вы хоть распределитесь: одни пускай за детьми смотрят, другие — дома строят.

— У чужой мамки дитя без глаза. Не досмотрят, не доскажут. Детям все объяснить надо. Своим не поленятся долбить, для чужих рот лишний раз не откроют.

Примерно 28 августа по моему климатическому счету состоялся последний разговор. Отмахнулись:

— Экий назойливый ты старик! Последние дни идут, бабье лето. Надо же отдохнуть, погреться в останние часы. Ну что ты нудишь со своими домами? Дай покой!

А дня через четыре, как только первый иней забелил камни, увидел я унылое шествие. Племя шло хоронить себя. Матери несли сонных детей на горбу, отцы — на руках. Брели неторопливо, понуриив головы, сами сонные и синеватые от холода. Как сейчас, закрыв глаза, вижу, как извивается черной змейкой мрачная процессия, ползет все дальше и дальше среди усохших стеблей, по голой равнине к темной стене леса, к суровой пещере зимнего сна.

Признаюсь, сопровождал я их. Предпочел бы остаться. Но как натуралист и наблюдатель обязан был видеть все детали. Видеть — видел, а описывать нет желания. Не по-человечески выглядело все это: безвольная, безропотная покорность, согласие на смерть без сопротивления. Быки на бойне и те тревожатся, чую кровь, мычат и мечутся в поисках спасения. А эти брели, склонив головы, детей укладывали, сами укладывались беспрекословно... и замирали молча, засыпали навеки.

Тьфу!

А могли бы выстроить дома, могли бы очаги сложить, могли бы дрова заготовить. Могли! Еще неделю назад не поздно было. Все некогда и некогда, видите ли! «Детей кормить надо, детей учить надо, последние денечки идут, дай же отдохнуть, попользоваться, на солнце погреться. Время идет!» Вот и ушло время.

Все это я пишу в звездолете, уже на обратном пути. Итоги подвожу, составляю тезисы будущих докладов, не только для ученых, цифры готовлю для проектов.

Выступать много придется, понимаю. Всем будет интересно послушать про планету легкомысленных поде-

нок. Интересно будет, хотя нас — людей — не упрекнешь в легкомысленной близорукости перед лицом смерти. Мы — существа долгоживущие и неторопливо предусмотрительные. Успеваем сделать прогнозы на будущее и приготовиться своевременно. «Человек — животное, предвидящее будущее», — такое читал я определение.

И еще есть одно определение, новое, рожденное уже в третьем тысячелетии: «человек — существо общительное и заботливое». Мы любим любить ближних и дальних, заботиться о них, помогать, выручать и спасать. Не сомневаюсь, что на Земле найдутся толпы желающих избавиться моих поденок от ранней смерти. Надо продумать организацию постоянной экспедиции — этим я и занимаюсь.

Безусловно, будут и ленивые скептики, услышим мы голоса о том, что вмешательство в чужую культуру недопустимо, поденки привыкли к своему темпу жизни, счастливы по-своему, долгая жизнь выбьет их из колеи, сделает глубоко несчастными, они будто бы и сами жаждут скорой смерти, надо их спросить еще, хотят ли они выжить. Куча доводов, лишь бы палец о палец не ударить. Жду я такие разглагольствования и заготовил веское возражение: «Ведь арры-то не хотели замерзать, ради своей жизни чужие губили».

Нужна. Нужна постоянная и основательная экспедиция, нужна перепись населения, проекты типовых домов и поселков, расчеты запасов топлива, добыча его; инженеры нужны, учителя нужны, врачи нужны.

Нам и самим нужна экспедиция. Ради Земли.

Человек — существо предусмотрительное, а также и многостороннее. Разные дороги нам требуются: и туда, и обратно. Любое «наоборот» находит применение в технике. Где-то пыль вредна, а где-то и необходима, специальные распылители конструируются. Спротивление в проводах пожирает массу энергии; инженеры ломают голову, как бы уменьшить потери на со-

противление. И ломают головы, как бы увеличить сопротивление в электрических печах, чтобы получить побольше тепла.

Быстролетящая жизнь ужасна, но изучение быстролетящей жизни пригодится, я даже представляю, где именно.

Вот вернусь я на свою постоянную работу и, как водится, перед началом квартала явятся ко мне лесозаготовители — лесогубители с картами, где крест-накрест перечеркнуты гектары. Скажут: «Мы — хозяйственники. Мы должны обеспечить ежегодно двухпроцентный прирост древесины для мебели, строек, поделок всяких, а также и для бумаги, чтобы вы, романтики, могли издавать свои поэмы о лесе».

А я скажу:

— Кто берет, тот и бережет. Давайте готовить постоянную экспедицию для изучения быстрорастущих лесов планеты поденок. Там деревья поднимаются за один сезон. Пусть и у нас будут такие. Весной сажаем, осенью рубим. Возле деревообделочных заводов древоплатации, а вокруг городов древние чащобы.

И с доктором своим представляю разговор. Конечно, за два года в космосе я не стал моложе. Воображаю, как будет он морщиться, рассматривая мои кардиограммы, энцефалограммы, рентгенограммы, генограммы, прочую грамматику. Морщиться будет, головой качать, причмокивать, твердить вздыхая, что старость закон природы.

А я скажу:

— Даже если старость и закон природы, старость в шестьдесят — не закон. Попугаи живут сто лет, дубы — пятьсот, секвойи — четыре тысячи лет, а деревья на планете поденок — четыре месяца. И сами поденки живут четыре месяца... но могут и

ожить через четыре года, как это выяснилось на опыте жестоких арров. Так разберитесь же вы, медики, биологи, зоологи, геронтологи, какой там механизм управляет сроками наступления старости, сроками и отсрочками.

И еще один разговор будет у меня, с особенным удовольствием его смакую — доклад в просторной комнате, не три кубических метра на человека, у стола с белой скатертью, заставленной блюдами с домашними салатами и жарким, не кубики, тюбики и концентраты. И сочувствующая, но от заботливости невнимательная жена, будет прерывать меня, накладывая добавку, а быстроглазая дочка-егоза станет охать, конечно:

— Папка, как ты не побоялся один? Я бы со страху умерла.

А пальцы у нее меж тем будут шевелиться, мять хлебный мякиш, формируя фигурки.

— Опиши, папка, опиши во всех подробностях. Колючие плечики, колючие коленки? И венки, и гирлянды вместо платья? Я вылеплю их обязательно, твоих поденок. Я уже вижу их, я пальцами чувствую.

И надеюсь я, что не будет за столом четвертого лишнего: не очень молодого и очень чинного молодого человека с запонками на манжетах и прямым пробором от лба до макушки; терпеть не могу прямых проборов. Лично мне не хочется, чтобы у меня были глупые внуки. Уповаю, что дочь выполнила обещание, повременила с браком. В конце концов, двадцать шесть — не конец жизни. Надо дожидаться настоящего человека, настоящей любви, даже если придется подождать годик-другой.

Любовь стоит того.

Люди умеют ждать и умеют искать терпеливо.

Не поденки же.